

Ю. М. СТЕКЛОВ

Что разделяет и сближает нас с Бакуниным*

Фигура Бакунина чрезвычайно сложна. Сам он прошел целый ряд политических и, можно сказать, психологических стадий в своем развитии. Но ввиду специального характера нынешнего заседания и краткости времени, которым мы располагаем, я не стану касаться всех сторон в истории развития личности Бакунина, совершенно не коснусь той поры, когда он выступал в виде революционного демократа и активного участника национальных движений, а возьму его только с того момента, когда он сформировался к концу 60-х гг. в качестве социалиста и основоположника анархистской доктрины.

Бакунин сложился как политическая фигура в 40-х гг. XIX века, т. е. в момент всеобщего потрясения европейских государств, когда буржуазное общество впервые начало высвобождаться из пут старой феодально-полицейской монархии. И колоссальная фигура Бакунина является символом этого грандиозного исторического перелома. Бакунин, как выходец из страны экономически отсталой, как человек, который в первое время своей политической деятельности преимущественно интересовался судьбами славянских народов, главным образом, народов аграрных, политически и экономически отсталых. <...> И совершенно естественно, что вопрос о роли крестьянства в революции был одним из центральных вопросов, который всегда занимал Бакунина. Говорил ли он о революции в Италии, во Франции, в России, на Балканах, даже в Германии, он в первую голову анализировал положение крестьянства, его настроения, его исторические судьбы и считал его даже в сравнительно промыш-

* Доклад, прочитанный на объединенном заседании Комм. академии и Об-ва историков-марксистов.

ленных странах если не единственным революционным фактором, то одним из главных основных революционных факторов. В высшей степени характерно, что он приписывал социалистический характер всем крестьянским восстаниям и движениям, и можно сказать, что не только его программа, но и тактика была, главным образом, основана на своеобразном понимании этих крестьянских движений. Мы знаем, что даже социальную революцию, совершаемую промышленным пролетариатом, он рисовал себе в виде анархических, бунтарских вспышек крестьянства, с сожжением владельческих грамот, разрушением зданий и т. п., т. е. в том виде, который он наблюдал в русской истории в народных движениях, связанных с именами Степана Разина и Емельяна Пугачева. <...>

Итак, мы видим, что условием революционности крестьянства Бакунин признает наличие крепостного права, наличие таких форм политического и экономического угнетения, которые свойственны добуржуазному периоду. Нужно сказать, что в этом отношении он был совершенно прав. Несомненно, что именно там, где крестьянство находится в таких политических условиях, оно является революционным. И если по воле истории сознательное политическое движение пролетариата крупной промышленности начинается в таких странах, где сохранились условия революционизирования крестьянства, то не подлежит никакому сомнению, что это обстоятельство в высокой степени ускоряет вспышку и успех революции. Примером этого являются наше отечество и революция, произведенная русским рабочим классом в 1917 г. С другой стороны, Бакунин был также прав, когда подчеркивал анархический характер этих крестьянских движений. Совершенно верно, революционный крестьянин, ненавидящий государство, поскольку он видит в нем взимателя налогов, рекрутчины и т. д., ненавидящий барство, в первый момент своего выступления действует как анархист. Но чего Бакунин не замечал, так это того, что эти анархические вспышки революции обычно приводят вовсе не к торжеству анархии, а к установлению буржуазного строя. Все известные исторические революционные движения крестьянства повсюду, где они не руководились пролетариатом и его партией, приводили, даже в случае удач, лишь к уничтожению абсолютистского полицейского режима, а не государства вообще, к насаждению буржуазных отношений. Только в том случае, когда организованный в политическую партию пролетариат (т. е. что Бакунин по существу отрицал) берет на себя руководство крестьянским движением, только в этом случае революционные усилия крестьянства являются исторически продуктивными, в смысле освобождения трудящихся от эксплуатации. Бакунин же

полагал, что всякое революционное движение крестьянства является по существу социалистическим; он полагал, что социализм заложен в самых инстинктах всех трудящихся, в том числе и в инстинктах крестьянских масс, и считал гораздо более близкими к социальной революции те страны, где сохранилось крестьянство, еще не вполне поработанное политической идеологией буржуазии. Бакунин настолько увлекался крестьянскими движениями, что даже крестьянские движения чисто реакционного, черносотенного характера, как имевшие место в Южной Италии в конце XVIII века, готов был приписать проявлению инстинктивного социалистического духа крестьянства, и если такие движения не приводили к результатам, которые были бы ему желательны, он объяснял это обманом крестьянства высшими классами, а иногда случайностью.

Что касается рабочего класса, то его исторического призвания Бакунин, к сожалению, не понимал. Мы найдем, разумеется, в его сочинениях сколько угодно заявлений, особенно начиная с конца 60-х гг. и в начале 70-х гг., заявлений относительно громадной роли, которую призван сыграть в истории рабочий класс, в частности пролетариат. Но с нашей точки зрения, с точки зрения действительного понимания классовых задач пролетариата, Бакунина нельзя признать представителем правильной позиции. Я в этом отношении позволю себе привести одну только цитату, но в высшей степени характерную, относящуюся к эпохе, когда Бакунин окончательно выработал свою анархистскую систему. Я имею в виду его рукопись «Италия и Генеральный Совет», до сих пор не опубликованную и написанную в конце 1871 г., в разгар борьбы в Международном Обществе Рабочих. Лондонская конференция Интернационала 1871 г. приняла резолюцию, в которой заявляла, что только организовавшись, как класс, образовав свою партию, независимую от буржуазных партий, пролетариат сумеет добиться своего освобождения. И вот в этой рукописи, обращенной к его итальянским единомышленникам, Бакунин, разбирая эту резолюцию, заявляет: «Мы предпочли бы сказать не как класс, а как обездоленная и деклассированная *масса* ввиду того, что эпитет “класс” в применении к пролетариату может повести к двусмысленности и противоречит самому духу мотивировочной части наших генеральных статутот, ставящих главной целью международной агитации и организации рабочих масс всех стран “уничтожение классов”, чего пролетариат не мог бы совершить, если бы сознавал сам себя особым классом... Эпитет “класс” в применении к пролетариату употребляется почти исключительно и с какой-то странной любовью социал-демократами, авторитетными коммунистами и пангерманистами (!) Германии. Вы

найдете в каждом номере их газет “Volksstaat” и “Volkswille”¹ следующую фразу: “Необходимо пробудить в пролетариате классовое сознание”. Это, конечно, по мнению Бакунина, не только величайшая глупость, но и продукт «пангерманской» интриги, показывающий, что люди, проповедующие развитие классового сознания в пролетариате, «не сознавая этого и, несомненно, не желая этого (и за то спасибо! — Ю. С.), играют в руку господину Бисмарку». Почему же? Да потому, что за разговорами о пролетариате, как классе, и о необходимости пробуждать к нем классовое сознание скрывается стремление, во-первых, к созданию «великого пангерманистского (?) и так называемого народного государства», а во-вторых, к увлечению рабочих на путь политической борьбы, что делает их орудием буржуазии. Разоблачив таким образом коварные замыслы «государственников», стремящихся к пробуждению классового сознания в пролетариате, Бакунин продолжает: «Что касается нас, то по тем же соображениям, так как мы не хотим ни государства, ни господства, ни эксплуатации, мы решительно отвергаем эпитет “класс”, который немецкие социал-демократы нашли в политическом словаре буржуазии и который ни в каком случае не должен и не может применяться к пролетариату. Пролетариат с точки зрения государства(!) составляет в настоящее время низшую массу, дезорганизованную, деклассированную и обездоленную — огромное баранье стадо, которое государственные классы под покровительством государства и по правилам или законам, установленным государством, стригут и бреют каждый в меру своих привилегий или, лучше сказать, своей действительной силы в государстве».

В высшей степени характерно, что в том переводе «Коммунистического Манифеста», который приписывается Бакунину и который был издан Нечаевым, термины «классовый», «класс» заменены словами «сословный», «сословие» и т. п.

Бакунин прекрасно сознавал, что в пролетариате имеются различные группировки. К каким же из них он питал симпатии и какие из них считал ближе к своей системе? Опять-таки это общеизвестно. Бакунин решительно выступал против так называемой «рабочей аристократии», которая в то время уже начинала выказывать свои оппортунистические склонности, но которая в рабочем движении на известной стадии его развития сыграла важную организаторскую роль. Симпатии Бакунина принадлежали деклассированным элементам. Люмпен-пролетариат он возвеличивает и поднимает на пьедестал. По его основной точке зрения это опять-таки понятно. Борящийся пролетариат является в значительной мере продуктом разложения крестьянства и по всей своей физиономии и настрое-

нию, а, с другой стороны, по способности легко служить орудием реакции этот босяцкий пролетариат, конечно, стоит гораздо ближе к крестьянству, чем к рабочему классу.

Вообще Бакунин уже в 40-х гг. относился чрезвычайно презрительно и отрицательно к работе коммунистов среди рабочей интеллигенции, считая это превращением рабочих в резонеров² и мелких буржуа. Еще определеннее он начал выражаться в таком духе, когда сделался анархистом. «Во всех странах, — говорит он в брошюре “Всесветный революционный Союз социальной демократии”, относящейся к 1870 году, — между многомиллионной массой чернорабочих людей есть слой работников, более развитых, более грамотных и составляющих по этому самому в среде рабочего люда род аристократии». Эту аристократию он критикует и находит в высшей степени вредной. Но совсем другой тон берет он, когда переходит к тем разрядам рабочего класса, которые с точки зрения его бунтарских, вспышкопускательских настроений казались ему более подходящими.

Вот, напр., его отзыв о люмпен-пролетариате в Италии: «В Италии, — говорит он, — существует огромный, от природы чрезвычайно умный, но большею частью безграмотный и поголовно нищенский пролетариат, состоящий из двух-трех миллионов городских и фабричных рабочих и мелких ремесленников и около двадцати миллионов крестьян-несобственников... Может быть, нигде так не близка социальная революция, как в Италии... В Италии не существует, как во многих других странах Европы, особого рабочего слоя, уже отчасти привилегированного благодаря значительному заработку, хвастающегося даже в некоторой степени литературным образованием и до того проникнутого буржуазными началами, стремлениями и тщеславием, что принадлежащий к нему рабочий люд отличается от буржуазного люда только положением, отнюдь же не направлением. Особенно в Германии и в Швейцарии таких работников много; в Италии же, напротив, таких работников мало, так мало, что они теряются в массе без малейшего следа и влияния. В Италии преобладает тот нищенский пролетариат, о котором гг. Маркс и Энгельс, а за ними и вся школа социальных демократов в Германии отзываются с глубочайшим презрением, и совершенно напрасно, потому что в нем, и только в нем, отнюдь же не в вышеозначенном буржуазном слое рабочей массы, заключается и весь ум, и вся сила будущей социальной революции»*.

Бакунин ошибся. Босяцкий пролетариат не пополнил рядов ни его Альянса, ни Интернационала и в революционном движении рабочего

* «Государственность и Анархия», стр. 5–7.

класса не сыграл той роли, которую приписывал ему Бакунин. С другой стороны, совершенно неверно, что германские «авторитарные коммунисты» относились к босяцкому пролетариату с презрением. Дело шло вовсе не о презрении, а о реалистическом определении и выяснении исторической роли этой группы. В «Коммунистическом Манифесте», как известно, по этому поводу сказано кратко и ясно: «Босяцкий пролетариат, этот пассивный продукт гниения низших слоев старого общества, местами втягивается в движение пролетарской революцией, однако, в силу всего своего жизненного уклада, он проявляет больше готовности продаваться на службу реакции» («Манифест Коммунистической Партии», Пет., 1917, стр. 48).

И это не выдуманно, товарищи. «Коммунистический Манифест» был написан в 1847 г. В течение 20 или 30 лет, предшествовавших написанию этих строк, босяцкий пролетариат Италии и Испании, т. е. как раз тех стран, которые Бакунин считал особенно революционными потому, что там было много этого пролетариата, сыграл самую ужасную черносотенную роль, как погромное оружие в руках полицейской монархии и помещиков против либеральной и радикальной буржуазии и демократии. И именно на опыте этих стран основывались авторы «Коммунистического Манифеста», когда писались эти строки. Для них не оставалось секретом, что Бакунин возлагал свои надежды на босяцкий пролетариат, и у Энгельса в предисловии к «Крестьянской войне», написанном в 70-х годах, уже есть некоторое выражение «презрения» не только к босяцкому пролетариату, но и к тем политическим деятелям, которые намерены на него опираться. Там сказано: «Люмпен-пролетариат — отбросы всех классов, главной квартирой которых являются большие города — должен быть признан самым худшим из всевозможных союзников. Это отребье абсолютно продажно и абсолютно навязчиво. Если французские рабочие при каждой революции писали на стенах домов “Mort aux voleurs!” (смерть вора!) и некоторых из них расстреливали, то это происходило не из особой любви к собственности, а из того вполне основательного соображения, что прежде всего необходимо отбросить от себя эту банду. Всякий вождь рабочих, пользующийся ею как гвардией или ищущий в ней опору, уж тем самым становится предателем движения» (Фр. Энгельс — «Крестьянская война в Германии», Гиз, Петр., 1921, стр. 15). Эти строки, написанные в 1870 г., наверно были известны Бакунину. При желании он мог даже принять последние слова на свой счет.

Это как раз такая социальная категория, которая вербуетя вовсе не из рядов одного пролетариата. Она вербуетя и из среды разных других классов: из разорившихся чиновников, мелкой буржуазии,

всякого простонародья, городского и сельского, и т. д. Эта такая группа, которая иногда присоединялась к общему рабочему движению, но сплошь и рядом оказывалась элементом разлагающим, против которого революционному пролетариату приходилось принимать подчас довольно решительные меры.

Товарищи, я бы не хотел долго останавливаться на том, что нас *отделяет* от Бакунина, так как во второй части доклада я хочу перейти к тому, что нас с ним *связывает*. Но на некоторых основных пунктах разногласия приходится все же, хотя и вкратце, остановиться.

Уже потому, что Бакунин не представлял себе ясно роли пролетариата в той грядущей мировой революции, которой он хотел, разумеется, страстным образом, вытекало то обстоятельство, что он решительно отвергал те исторические формы, в которые выливалось действительное рабочее движение, и в частности высказывался против всякой политической деятельности пролетариата. Это настолько общеизвестно, что на этом останавливаться не приходится. Разумеется, он с особенной энергией высказывался против организации политических партий рабочего класса. В стремлении к основанию рабочих партий он усматривал исключительно интригу буржуазно-демократической интеллигенции, желавшей использовать рабочих как орудие для своего политического возвышения, как превращение пролетариата в орудие буржуазии, а всю политическую деятельность пролетариата он рассматривал как ряд нескончаемых компромиссов и сделок с буржуазией. Опять-таки, исторически многое из того, что Бакунин говорил по этому поводу, оправдалось на деле, в работе с.-д. партий. Но это совершенно не противоречит тому, что в основном и целом точка зрения Бакунина была не правильна и не исторична. Бакунин, как вы знаете, решительно отвергал тот критический момент в пролетарском движении, который называется завоеванием политической власти. Он был уверен, что всякий захват политической власти, хотя бы рабочей партией, есть только укрепление того государства, которое он считал главной причиной порабощения трудящихся, и разрушение которого он признавал первым шагом социальной революции. Программу революционных коммунистов он смешивал и отождествлял с программой демократов-якобинцев, одинаково с первыми стремящихся, по его словам, увековечить и укрепить государство. <...>

Он полагает начало революции в таких действиях, как разрушение государства и всех его учреждений, судов, банков, университетов и пр.

Тут опять-таки, как всегда у Бакунина, наряду с высшей степенью вредными для революции мыслями содержится очень много правильного и здорового, что дает ему право на бессмертие. Несомненно, то,

что он говорил о «разнуздании» народной жизни, «дурных страстей» («дурных страстей» он говорил иронически, это по-буржуазному дурные страсти: бунт, восстание, разрушение), то, что он понимал под разнузданием самочинных народных действий, играло огромную роль во всех революциях, особенно же социалистических. Конечно, и наша революция началась с того, что повсюду самочинно выступали рабочие и крестьяне, выгоняли помещиков, организовывали отряды, советы и т. д. Этим наша революция и отличается от других, буржуазных революций. Но даже и серьезные буржуазные революции дают картину таких же самочинных действий масс. Так, французская революция конца XVIII века отличалась тем, что на сцену выступил сам народ, что разнуздались его страсти и т. д. Это верно, но вопрос не только в этом. Вопрос в том, как гарантировать революцию от возвратных приступов реакции. Как координировать народные выступления? Об этом Бакунин как будто тоже говорит, но то, что он говорит об этом, разрушает его анархическую тактику в корне.

Бакунин не мог не понимать, что социальная революция трудящихся, как он ее себе рисовал, натолкнется на неслыханное еще сопротивление буржуазии, прекрасно организованной и даже гораздо более сильной и располагающей технически более мощными средствами, чем пролетариат, особенно в первый момент революции. Это он хорошо понимал. Поэтому в знаменитом письме к Альберу Ришару и в своей программе Интернационального Братства он рисовал картину будущего переходного революционного режима, который он иногда даже называл «революционным государством». Вот что он говорит в пункте 6 программы: «Для организации коммуны (необходима) перманентная федерация баррикад и функционирование Совета Революционной Коммуны, составленного путем делегирования по одному или по два депутата от каждой баррикады, по одному от улицы или квартала, депутатов, снабженных императивными мандатами, всегда ответственных и всегда могущих быть отозванными. Организованный таким путем Коммунальный Совет сможет выбрать из своей среды *исполнительные комитеты, выделенные для каждой отрасли революционного управления Коммуны* (курсив мой. — Ю. С.). Обращение ко всем провинциям, коммуна и ассоциациям с предложением им всем последовать примеру столицы, сначала революционно реорганизоваться, а затем делегировать в условленный пункт своих депутатов, также снабженных императивными мандатами, ответственных и могущих быть отозванными, с целью образовать федерацию ассоциаций, коммун и провинций, восставших во имя тех же принципов, и *организовать революционную силу, способную восторжествовать над реакцией*

(курсив мой. — Ю. С.). Посылка неофициальных революционных комиссаров с какими-нибудь нагрудными шарфами, а революционных пропагандистов во все провинции и коммуны — в особенности к крестьянам, которые не могут быть революционизированы посредством принципов и декретов какой-либо диктатуры, а лишь одними революционными фактами, т. е. последствиями, которые неминуемо вызовут во всех коммунах полнейшее прекращение юридической, официальной жизни государства еще в том смысле, что всякая иноземная страна, провинция, коммуна, ассоциация и даже отдельная личность, поднявшиеся во имя тех же принципов, будут приняты в революционную федерацию, не считаясь с существующими границами государств и несмотря на принадлежность их к иным политическим и национальным системам; собственные же провинции, коммуны, ассоциации и индивидуумы, которые примут сторону реакции, будут из нее исключены. Таким образом, благодаря самому факту расширения и организации революции в видах взаимной защиты восставших стран, победит всеобщий характер революции, основанной на уничтожении границ и на разрушении государств. Новое революционное государство, организующееся снизу вверх посредством революционных делегаций и обнимающее все восставшие во имя одинаковых принципов страны, не считаясь со старыми границами и национальными различиями, будет иметь задачей заведывание публичными службами, а не (?) управление народами. Оно образует *новое отечество, Союз мировой революции против Союза всех видов реакции*».

Что же это за вооруженная сила и что это за отдельные отрасли управления? В другом месте Бакунин определенно говорит, что это будут различные комитеты, комиссии продовольствия, народного образования, народного вооружения и т. д. Но совершенно очевидно, особенно в революционный период, что такая организация из депутатов, как вы ее ни назовите, располагающая вооруженною силою, имеющая ряд исполнительных комитетов и отраслей управления, представляет воссоздание революционного государства, это есть диктатура пролетариата и крестьянства, разумеется (С места: «Но не партии!»). В этом-то и было его несчастье. Без партии, без коммунистической партии, не было бы ни диктатуры пролетариата, ни крестьянства, ни кого бы то ни было, а была бы диктатура буржуазии в буржуазных странах. Это слишком общеизвестно, чтобы нужно было на эту тему распространяться.

Но я здесь не намерен полемизировать с Бакуниным, а хочу объяснить его позицию. Бакунин прекрасно понимал, что особенно в разгаре самочинной анархии или, с нашей точки зрения, в течение

переходного революционного фазиса понадобится какая-нибудь организующая и координирующая сила, без которой революционные массы, какой бы прекрасной целью они ни задавались, неминуемо будут обречены на разгром. В знаменитом письме к А. Ришару, его приятелю и члену Альянса, он излагает свою точку зрения на условия успешности революции. Снова повторив то, что я уже читал, но что за поздним временем я пропускаю, он говорит, переходя к партии, которую он, впрочем, не называет партией, и о ее роли в народной революции, следующее:

«Анархия, вспышка всех местных страстей, пробуждение самочинной жизни во всех пунктах должны достигнуть максимальных размеров для того, чтобы революция была и осталась живою, реальною, могучею. Политические революционеры, партизаны открытой диктатуры, после первой же победы революции рекомендуют умиротворение страстей, порядок, доверие и подчинение установленным революционным властям. Таким путем они восстанавливают государство. Мы же, напротив, должны будоражить, разнуздывать все страсти, мы должны создавать анархию, и в качестве незримых лоцманов посреди народной бури мы должны будем ею руководить не посредством какой-либо открытой власти, а посредством коллективной диктатуры всех *альянсистов*, — диктатуры без шарфов, без титулов, без официального права, но тем более могучей, что она не будет иметь никаких внешних отличий власти. Вот единственная диктатура, которую я допускаю. Но для того, чтобы она могла действовать, необходимо, чтобы она существовала, а потому ее нужно заранее подготовить и организовать; ибо сама по себе она не сделается ни речами, ни изложением и обсуждением принципов, ни народными собраниями.

Альянсистов не должно быть много, но они должны быть хорошие, энергичные, выдержанные, верные, а в особенности — свободные от личного тщеславия и честолюбия люди, сильные, достаточно серьезные, люди с сердцем и умом, достаточно возвышенными для того, чтобы предпочесть реальность силы ее внешней мишуре»...

Это он, товарищи, наше Политбюро характеризует. (Аплодисменты). «Если вы создадите такую *коллективную и незримую* диктатуру, вы победите, а революция, хорошо руководимая, восторжествует. Если нет, то нет».

И дальше он говорит:

«Отныне существует одна только власть, одна только диктатура, организация которой может быть благотельна и осуществима. Это — коллективная и незримая диктатура альянсистов во имя нашего принципа, а эта диктатура будет тем более благотельной

и сильной, чем меньше она будет облечена официальной властью или бросаться в глаза.

Но для ее образования требуются люди, действительно сильные, стоящие по уму и сердцу выше вульгарного честолюбия и обладающие честолюбием настолько серьезным, чтобы стремиться к торжеству своей идеи, а не своих особ, и чтобы предпочесть реальную силу видимостям силы, наконец, чтобы понять, что наш век — это век коллективной силы, а не индивидуальных сил, и что коллектив сокрушит всех индивидуумов, желающих себя навязать ему».

Прекрасно. За исключением антигосударственного фетишизма этих положений, основные их мысли можно принять к руководству. Недостаток бакунинской конструкции как раз и заключался в том, что он не доводил своей мысли до логического конца. Самим развитием своей мысли он был приведен к той идее, что, даже признавая народную анархию неизбежной в первый момент революции, каковая невозможна без такой «анархии», для успеха этой революции необходима диктатура, проникнутая единством мысли и действия, сплоченная в единый организм. Но вместо диктатуры, выросшей из массового рабочего движения, вместо диктатуры политической партии пролетариата, существующей и действующей задолго до рокового момента революции, участвующей и во всех движениях пролетариата, заслужившей доверие этого пролетариата, имеющей определенную программу, связанной строго дисциплиной, знающей, чего хочет, вместо этой диктатуры рабочей партии Бакунин выдвинул диктатуру заговорщической группы, пусть самых прекрасных людей, но состоящей из выходцев из буржуазно-интеллигентной среды, оторванных от рабочего движения своих стран и потому, разумеется, совершенно неспособных к осуществлению той спасительной диктатуры, о которой мечтал Бакунин. А что он считал диктатуру необходимой, это совершенно ясно. Я пропускаю характеристику альянсистов, от которых Бакунин действительно требовал особых качеств. Но в развитии политической партии эти качества проверяются фактической классовой борьбой, из рядов борющейся за свои интересы массы естественно выдвигаются нужные люди, на нужное место и в нужный момент. У Бакунина же роль этих спасительных диктаторов отводится узкой группе заговорщиков, о которой в 11 пункте бакунинской конституции говорится: «Число этих лиц не должно быть очень большим. Для международной организации во всей Европе достаточно ста крепко и серьезно связанных революционеров. Двух-трех сотен революционеров достаточно для организации самой большой страны».

Вот, если вы находите, что такая «партия» больше обеспечивает успех социальной революции в мировом масштабе, чем коммунистическая партия, это, конечно, ваше дело, но что рабочие не доверят ей руководства своей революцией, я в этом уверен.

Но вот что характерно: чем больше Бакунин настаивал на строгом единстве мысли и действия в среде тесной заговорщицкой группы, тем меньше единства и дисциплины он признавал за массовым рабочим движением, даже за теми передовыми группами пролетариата, которые были организованы в Международное Товарищество Рабочих. Попытку установить это идейное единство и дисциплину в рядах Интернационала (а без идейного единства и дисциплины какая может быть революция?) Бакунин называет абсурдом, смешивая ее с навязыванием идей кучки массе отсталых рабочих. <...>

Он добивался федерации автономных секций в самом Интернационале, а, разумеется, идти в бой с такой несвязанной и распыленной организацией значило идти на верное поражение. Это понятно. Вот почему до сих пор остается в силе все то, что в свое время, хотя и в резкой форме, было сказано против тактических и организационных идей Бакунина. В брошюре Энгельса — Лафарга «L'Alliance de la Démocratie Socialiste», 1873 г., по поводу противоречий бакунинских построений сказано:

«Итак, первым актом революции должен быть декрет об отмене государства, как Бакунин и сделал 28 сентября (1870 г.) в Лионе, хотя эта отмена государства является по необходимости авторитарным актом (верно, это вполне авторитарный акт. — Ю. С.). Под государством он понимает всякую политическую власть, революционную или реакционную... И он заявляет, что все революционеры, которые на следующий день после революции хотят “строить революционное государство”, гораздо опаснее всех существующих правительств, и что “мы, интернациональные братья, являемся естественными врагами этих революционеров”, ибо дезорганизация революции есть первый долг интернациональных братьев.

Ответ на эти фанфаронады о безотлагательной отмене государства и установлении анархии дан уже в частном циркуляре последнего Генерального Совета “Les pretendues scissions de l'Internationale”, март 1872 г., стр. 37: “Анархия — вот конек их учителя Бакунина, который из социалистических систем заимствовал лишь этикетки. Все социалисты понимают под анархией следующее: раз достигнута цель пролетарского движения — уничтожение классов, то государственная власть, служащая к удержанию подавляющего производительного большинства под игом малочисленного эксплуататорского меньшинства, исчезает, а правительственные функции превраща-

ются в простые административные функции. Альянс ставит вещи вверх ногами. Он провозглашает анархию в пролетарских рядах как вернейшее средство разбить мощное сосредоточие социально-политических сил в руках эксплуататоров. Под этим предлогом он требует от Интернационала, чтобы тот в момент, когда старый мир стремится его уничтожить, заменил свою организацию анархией”.

Последуем, однако, за анархическим евангелием до его логических выводов; предположим, что государство отменено декретом.

Согласно статье 6 (программы Интернационального Братства), последствиями этого акта явятся: государственное банкротство, прекращение государственного взыскания частных долгов, прекращение уплаты всяких налогов и податей, роспуск армии, магистратуры, чиновничества, полиции и духовенства (?); отмена официальной юстиции, сопровождаемая сожжением всех собственнических грамот и всех юридических и гражданских бумаг, конфискация всех производственных капиталов и орудий труда в пользу рабочих ассоциаций и объединение этих ассоциаций, которые “образуют Коммуну”.

Лионские события (т. е. попытка восстания в Лионе 28 сентября 1870 г. — Ю. С.) показали, что простого декрета об отмене государства далеко не достаточно для выполнения всех этих прекрасных обещаний. Напротив, двух рот буржуазной национальной гвардии оказалось достаточно для того, чтобы разбить эту блестящую мечту и заставить Бакунина поспешно возвратиться в Женеву с чудотворным декретом в кармане. Вот почему он не мог предположить в своих последователях такой глупости, чтобы не видеть необходимости дать им какой-либо организационный план в целях практического осуществления своего декрета. Вот этот план».

Дальше авторы брошюры излагают план, содержащийся во второй части 6-й статьи программы Интернационального Братства. Пошутив над «оригинальными баррикадами Альянса, где сочиняют мандаты вместо того, чтобы сражаться», авторы брошюры замечают: «Таким образом, в этой анархической организации баррикад-трибун мы имеем сначала коммунальный совет, затем исполнительные комитеты, которые для того, чтобы исполнять что бы то ни было, обязательно должны обладать какою-либо властью и опираться на вооруженную силу; далее мы имеем целый федеральный парламент, главную задачу которого будет организация этой *вооруженной* силы (*force publique*). Этот парламент, равно как и коммунальный совет, должен будет облечь *исполнительной властью* один или несколько комитетов, в силу этого самого факта приобретающие авторитарный характер, который потребностями борьбы будет все больше заостряться. Таким образом, мы просто-напросто восстановили все

элементы “авторитарного государства”; а назовем ли мы эту машину “революционной коммуной, организованной снизу вверх”, это не имеет никакого значения. Название ничего не изменяет в предмете; организация снизу вверх существует во всякой буржуазной республике, а императивные мандаты существуют со времен средневековья. Впрочем, Бакунин и сам это признает, когда (в ст. 8) дает своей организации название “нового революционного государства”.

Что касается практической ценности этого революционного плана, где рассуждают вместо того, чтобы драться, мы об этом не скажем ни слова».

По-видимому, Бакунин сам это сознавал, когда давал проектируемой организации название «нового революционного государства». Это противоречие, конечно, коренное, и это самый слабый пункт у Бакунина, полностью упраздняющий всю данную им критику революционной диктатуры пролетариата.

Товарищи, мы видели, что Бакунин неправильно оценивал роль пролетариата, его задачи и его тактику. Но была другая социальная группа, которую он особенно возлюбил, к которой сам принадлежал: это так называемая интеллигенция, революционная интеллигенция. Нужно сказать, что так называемый крестьянский социализм, — а в общей форме к системе Бакунина можно применить это выражение, — имеет своим неизбежным, естественным дополнением апологию интеллигенции. С одной стороны, это кажется странным. Народничество, говорящее о важнейшей роли масс, о революции через народ, с помощью народа, в частности крестьянства, отрицающее вообще высшие классы, роль личности в истории и т. д., в то же время стоит на почве превознесения роли личности, в частности личностей из интеллигенции. <...> Я мог бы привести ряд цитат, в которых Бакунин определенно говорит, что наряду с народными массами основной революционной силой является революционная интеллигенция. Правда, он прибавляет, что сама по себе эта революционная молодежь слаба, беспомощна, но она может сыграть колоссальную роль в революционном движении, придав ему сознательность и организованность.

«Несколько сот молодых людей с добрыми намерениями, конечно, недостаточно для образования революционной силы вне народа, но этих несколько сотен будет достаточно для организации революционной силы народы»*. Говоря о русской и итальянской молодежи, Бакунин следующим образом определяет ее значение: «Народ дает им жизнь, элементарную силу и почву, но взамен они приносят ему

* «Œuvres», том VI, стр. 419.

положительные знания, привычку отвлечения и разобщения (т. е. обобщения. — Ю. С.) и умение организовываться и создавать союзы, которые в свою очередь создают ту сознательную боевую силу, без которой немислима победа»*.

И это понятно. Для отсталой аграрной страны именно так и нужно было представлять себе роль интеллигенции. Тем более, что Бакунину, как выходцу из буржуазной среды, эта деклассированная интеллигенция была в высшей степени близка по настроению, по анархическим воззрениям и стремлениям. Бакунин был сам законченным образчиком именно этой породы.

Товарищи, я пропускаю остальное, что нас отделяет от Бакунина. Вы видите, что нас отделяет от него в основном и целом непонимание им роли и значения пролетариата в развивающемся капиталистическом обществе, значение его политической организации, участия во всех проявлениях жизни, непонимание им необходимости завоевания политической власти, как орудия для торжества социальной революции и для уничтожения классов. Это основное, что нас с ним разделяет.

Но, товарищи, есть много такого, что нас с ним сближает. И это понятно, ибо Бакунин, как и Маркс, является представителем так называемого революционного социализма — в отличие от социализма оппортунистического, блестящим образчиком которого является II Интернационал. В этом отношении Бакунин был учеником Маркса. Я бы хотел еще обрисовать Бакунина как демократа, это тема в высшей степени интересная. Вы знаете, что его деятельность протекала вначале в форме участия в национально-демократических движениях. И вот нужно сказать, что Бакунин был первым, пожалуй, даже не русским, а мировым социалистом, который правильно, во всю ширь поставил национальный вопрос и который в этом отношении явился предшественником Ленина. Разрешите мне прочесть пару цитат, чтобы показать вам, как широко и правильно он ставил этот вопрос, и насколько он стоял выше современных анархистов, которые во время империалистической войны пошли на службу буржуазии, выше даже такого, как Кропоткин, который в сравнении с Бакуниным оказался карликом, когда дело дошло до социальной революции. Вот что Бакунин говорил на Женевском конгрессе Лиги Мира и Свободы по поводу национального вопроса:

«Не заботясь о том, что подумают и скажут люди, судящие с точки зрения узкого и тщеславного патриотизма, я, русский, открыто и решительно протестовал и протестую против самого существова-

* «Государственность и анархия», стр. 5.

ния русской империи. Этой империи я желаю всех унижений, всех поражений, в убеждении, что ее успехи, ее слава были и всегда будут прямо противоположны счастью и свободе народов русских и не русских, ее нынешних жертв и рабов...

В положении, созданном для империи последним польским восстанием (1863 г.) ей остаются только два выхода: или пойти по кровавому следу Муравьева³, или распасться. Середины нет, а желать цели и не желать средств значит только обнаружить умственную и душевную трусость. Поэтому мои соотечественники должны выбирать одно из двух: или идти путем и средствами Муравьева, к усилению могущества империи, или заодно с нами откровенно желать ей разрушения. Кто желает ее величия, должен поклоняться, подражать Муравьеву и, подобно ему, отвергать, давить всякую свободу. Кто, напротив, любит свободу и желает ее, должен понять, что осуществить ее может только свободная федерация провинций и народов, т. е. уничтожение империи. Иначе свобода народов, провинций и общин — пустые слова. Право федерации и отделения, т. е. отступление от союза есть абсолютное отрицание исторического права, которое мы должны отвергать, если в самом деле желаем освобождения народов» (Подчеркиваем этот пункт, на котором не раз спотыкались даже крайне революционные социалисты. — Ю. С.).

«Я довожу до конца логику постановленных мной принципов. Признавая русскую армию основанием императорской власти, я открыто выражаю желание, чтобы она во всякой войне, которую предпримет империя, терпела одни поражения. (На Кропоткина это похоже?⁴ — Ю. С.) Этого требует интерес самой России, и наше желание совершенно патриотично в истинном смысле слова, потому что всегда только неудачи царя несколько облегчали бремя императорского самовластья. Между империей и нами, патриотами, революционерами, людьми свободомыслящими и жаждущими справедливости, нет никакой солидарности».

Перейдя к общеевропейским вопросам, Бакунин продолжает: «То, что... справедливо относительно России, должно быть также справедливо относительно Европы. Сущность религиозной, бюрократической и военной централизации везде одинакова. Она цинично груба в России, прикрыта конституционной, более или менее лживой, личиной в цивилизованных странах Запада, но принцип ее все один и тот же — насилие... Горе, горе нациям, вожди которых вернутся победоносными с полей битв! Лавры и ореолы превратятся в цепи и оковы для народов, которые вообразят себя победителями».

И далее: «Национальность — не принцип; это законный факт, как индивидуальность. Всякая национальность, большая или малая,

имеет несомненное право быть сама собой, жить по своей собственной натуре. Это право есть лишь вывод из общего принципа свободы.

Всякий, искренно желающий мира и международной справедливости, должен раз навсегда отказаться от всего, что называется славой, могуществом, величием отечества; от всех эгоистических и тщеславных интересов патриотизма. Пора желать абсолютного царства свободы внутренней и внешней... Международный мир невозможен, пока не будет принят со всеми своими последствиями следующий принцип: всякая нация, слабая или сильная, малочисленная или многочисленная, всякая провинция, всякая община имеет абсолютное право быть свободной, автономной, жить и управляться согласно своим интересам, своим частным потребностям, и в этом праве все общины, все нации до того солидарны, что нельзя нарушить его относительно одной, не подвергая его этим самым опасности во всех остальных.

Всеобщий мир будет невозможен, пока существуют нынешние централизованные государства. Мы должны, стало быть, желать их разложения, чтобы на развалинах этих единств, организованных сверху вниз деспотизмом и завоеванием, могли развиваться единства свободные, организованные снизу вверх свободной федерацией общин в провинцию, провинций в нацию, наций в Соединенные Штаты Европы».

Вот резкая постановка национального вопроса в 1867 г. В 1868 г. Бакунин повторяет это и идет дальше. Он безоговорочно признает право на отделение за Финляндией, Балтийскими провинциями, Польшей, Украиной и высказывает даже предположение, что и Великобритания откажется от насильственной централизации и организуется на основе федерации (т. е. предсказывает РСФСР). Он бросает призыв германским с.-д. повторить то же самое по отношению к германскому империализму. Они не повторили, конечно.

Итак, национальный вопрос, вопрос о пораженчестве вообще и о поражении русского империализма в частности — это одно, что сближает нас с Бакуниным, который был в этом смысле настоящим революционером не на словах, а на деле. Так же объединяет нас критика религии. Он счел нужным включить в свою программу пункт о необходимости вести антирелигиозную пропаганду, борьбу с религией. Вы знаете, однако, что до основания Коминтерна этот вопрос с.-д. ставился совершенно иначе. Бакунин был одним из первых, который этот вопрос поставил совершенно правильно.

Чрезвычайно характерно для Бакунина, особенно для него, прошедшего школу революционной демократии, то, что он отрицает всякую национальную ограниченность. Я уже не говорю о последнем

периоде его жизни, когда он освободился от своих былых национально-демократических увлечений, но даже в момент революции 1848–1849 гг., участником которой он был, он ни на минуту не забывал интересов мировой революции и понимал их теснейшую связь с интересами всякого народа в отдельности, в частности народа русского. Бакунин всегда связывал дело революции в России с делом мировой революции. В этом отношении интересна одна цитата из его письма к Тхоржевскому⁵ 1864 г. Он рассказывает там о том, что встретил поляков, готовых отказаться от национальной ограниченности, понявших, что будущность Польши, как и всех славянских народов, заключается в крестьянине, в холопе, и что для всех есть одно лишь средство спасения — социальная революция. И он прибавляет:

«Я уж встретил таких людей и уверен, что встречу их еще более. С ними возможен и необходим союз. Они же могут нам найти и настоящих великоросских и малоросских людей. На Западе также кончился прилив реакции, начался снова прилив революции. И отбросив китайскую мысль, достойную аксаковского «Дня»⁶, мысль разъединения русского и славянского движения от европейского движения, будто бы умершего, в действительности же только примершего, теперь же вновь воскресающего (это он в 1864 году писал. — Ю. С.), мы должны же, наконец, понять, что в целой Европе, не исключая и нашей России, два лагеря, два отечества: один называется революцией, другой — контрреволюцией».

Это молодая вера Бакунина во всероссийскую, всеевропейскую, мировую революцию, эта вера никогда его не оставляла. Он проявлял ее в полемике не только с аксаковским «Днем» — об этом не приходится говорить, — не только с реакционерами, но и с такими близкими ему людьми, как Герцен, который совершенно утратил веру в революцию и в значительной мере на этой почве с Бакуниным разошелся. Разрешите, товарищи, процитировать в этом отношении чрезвычайно интересное место из письма Бакунина к управителю Устьрюнского департамента, А. Эскиросу⁷, написанного в октябре 1870 года, когда Бакунин скрывался в окрестностях Марселя от французской полиции, искавшей его после Лионского восстания. Там он говорил: «Если Пруссия победит, то с европейским человечеством будет покончено, по крайней мере, на пятьдесят лет; нам же, старикам, останется только умереть. Увы, я должен буду признать, что прав был мой покойный друг Александр Герцен, когда после июньских дней 1848 года... он заявил, что Западная Европа отныне умерла и что для возобновления и продолжения истории остаются только два источника: с одной стороны, Америка, а с другой — восточное

варварство. Я — защитник не вашего официального буржуазного мира, который я ненавижу и презираю от всей души, а западной революции, — всегда отстаивал эту революцию против него. Он, некогда бывший одним из пылких ее сторонников, больше в нее уже не верил. Я же продолжал в нее верить, несмотря на преступление, совершенное буржуазией в июне. Он говорил, что Западная Европа сгнила, что она стала резонерской и трусливой, без веры, без страсти, без творческой энергии, как некогда Низменная (Византийская) Империя. Я соглашался с ним во всем этом относительно вашей буржуазной цивилизации, но указывал ему, что в Западной Европе под буржуазией имеется своего рода варварский мир — городской и сельский пролетариат, который, не имея возможности злоупотреблять и даже пользоваться жизнью, не будучи развращен и софистичирован этой упадочной цивилизацией, а, напротив, непрерывно морализуемый трудом, являющимся при всем своем подавленном и рабском характере живым источником ума и силы, имеет перед собою богатое будущее, а потому для обновления европейского запада нет никакой нужды в варварском нашествии, так как Запад имеет в своем подполье свое собственное варварство, которое в свое время обновит его. Герцен абсолютно не верил в это и был убит своим скептицизмом в гораздо большей мере, чем болезнью. Я же, наоборот, я был полон веры, я был социал-революционером не только в теории, но и на практике; это значит, что я верил в осуществление социалистической теории, и именно потому я его пережил... Так вот то, что я ныне наблюдаю во Франции, повергает меня в состояние, близкое к отчаянию. Я начинаю опасаться вместе с Герценом, что крестьяне и пролетариат во Франции и в Европе также мертвы. А тогда что? Тогда Франция погибла, и Европа погибла. Но нет! В продолжение моего кратковременного пребывания в Лионе и в окрестностях Марселя я увидел, я почувствовал, что народ не умер. Он обладает всеми великими инстинктами и всею мощною энергиею великого народа. Ему не хватает только организации и правильного руководства» (Bakounine — «Œuvres», т. IV, стр. 233–235).

Да, это совершенно верно, и дальнейший ход всемирной истории показал, насколько Бакунин в своем пророчестве был глубоко прав.

Бакунин понимал социализм в революционном смысле. Это то, что сближает его теснейшим образом с нами. Но и тактику социалистов, тактику трудящихся он также понимал в боевом смысле. Бакунин говорил и понимал, пропагандировал и старался вбить в голову каждого из своих последователей ту мысль, что никакое вживание социализма в буржуазный мир невозможно, что это два мира абсолютно противоположные, которые должны встретиться на поле брани,

что только вооруженной рукой, путем восстания трудящихся масс можно низвергнуть существующий строй. И, между прочим, с этой точки зрения он подходил, — ошибаясь, правда, в понимании коммунистической тактики, — к критике тогдашнего Интернационала.

«Тем, кто спросит нас, *какой смысл имеет существование Альянса, раз существует Интернационал*, мы ответим: Интернационал, несомненно, превосходное учреждение, он, бесспорно, представляет лучшее, самое полезное, самое благодетельное создание нынешнего века. Он положил основу солидарности рабочих всего мира. Он дал им начатки организации поверх всех государственных границ и в стороне от мира эксплуататоров и привилегированных. Он сделал больше; он содержит уже теперь первые зародыши организации грядущего единства, и вместе с тем он внушил пролетариату всего мира сознание своей собственной силы. *Но Интернационал не является учреждением, достаточным для организации и руководства этой революцией**.

Интернационал подготавливает элементы революционной организации, но не доводит их до завершения. Он подготавливает их, организуя открытую и легальную борьбу объединенных рабочих во всех странах против эксплуататоров труда, капиталистов, землевладельцев и промышленных предпринимателей, но он никогда не идет дальше этого. Единственное, что он делает сверх этого, уже самого по себе полезного дела, это теоретическая пропаганда социалистических идей в рабочих массах, вещь также очень полезная и необходимая для подготовки массовой революции, но это еще далеко от революционной организации масс.

Одним словом, Интернационал представляет широкую среду, благоприятную и необходимую для этой организации, но он не есть еще эта организация»...

Необходима особая, боевая организация, способная руководить активными выступлениями тех масс, которые Интернационал группирует на почве экономической солидарности. Указывая на то, что буржуазия, несмотря на свое моральное банкротство, еще очень сильна и организована, Бакунин продолжает:

«Перед лицом этой колоссальной организации пролетариат, даже объединенный, сгруппированный и солидаризированный в Интернационале и Интернационалом, остается дезорганизованным. Какая польза от его многочисленности? Пусть народ считается миллионами и многими миллионами, его будут держать под угрозой нескольких десятков тысяч солдат, содержимых и дисциплинируемых на его счет, против него, на буржуазные деньги, добытые его собственным трудом.

* Курсив мой. — Ю. С.

Возьмите самую многочисленную секцию Интернационала, самую передовую и наилучшую организованную. Разве она организована для боя? Вы знаете хорошо, что нет. (Правильно! Тогдашний Интернационал не был так организован. — Ю. С.) На тысячу рабочих вы в день боя наберете самое большое *одну* или две сотни бойцов. Дело в том, что для того, чтобы организовать силу, недостаточно объединить интересы, чувства и мысли. Необходимо объединить воли и характеры. Наши враги организуют свои силы с помощью денег и государственного авторитета. Мы можем организовать наши силы только на основе убеждения и страсти».

Это совершенно правильная точка зрения революционного социалиста, не доведенная до логического конца только потому, что тактические взгляды Бакунина этому, к сожалению, препятствовали. Точно так же его знаменитый план организации, в котором он рисует *партию*, не желая партии, этот план организации Союза Интернациональных Братьев, заговорщиков, оторванных от масс. Он нелеп, и теперешние анархисты его отвергают. Это верно, но по существу мысль, положенная в его основу, является отчасти предвосхищением грядущего.

Вспомните, чем был Первый Интернационал. Он был собранием всевозможного рода организаций (в первое время даже буржуазные демократы в нем участвовали, но потом вышли), свободным объединением просветительных союзов, профессиональных союзов, временных каст сопротивления, политических союзов и т. д. Если вы вспомните, что в нем не только не было единства дисциплины, воли и действия, но не было и единства мысли, программы, что он желал этого добиться, с большим трудом делал первые шаги в этом направлении, но так и не успел дойти до конца; если вы вспомните все это, то вам станет понятно, что идея Бакунина о необходимости создать организацию, проникнутую единой мыслью и волей, стоящую на почве единой социальной программы, дисциплинированную, долженствующую повести за собой распыленную массу в момент социальной революции и обеспечить ей успех, эта мысль есть не что иное, как идея, лежащая в основе и нашей точки зрения на партию — с одним, впрочем, существенным различием, основным и центральным по содержанию. Ибо, как я уже говорил, бакунинское Интернациональное Братство состояло из нескольких десятков, пусть даже прекраснейших интеллигентов, но оторванных от массового движения, не участвовавших в повседневной борьбе пролетарских масс и с ними органически не связанных. Конечно, они не могли быть той партией, которая способна была бы повести за собой пролетариат, возглавить социальную революцию и обеспечить ее победу. Такую роль может сыграть только коммунистическая партия, выросшая из фабрично-заводских ячеек,

из гущи рабочей массы, вместе с ней борющаяся при самодержавии, во время буржуазного правительства, во время социального переворота, в течение долгих лет пролетарской диктатуры, — такая партия, действительно проникнутая идейным единством и энергией, которых требовал Бакунин от своих приверженцев. Но в основном такая партия предносилась умственному взору Бакунина, когда он мечтал о будущей форме организации, обеспечивающей успех революции при огромной организованности буржуазии и сравнительной слабости рабочей массы. В этом смысле он был, если угодно, пророком.

Я пропускаю за недостатком времени то, что Бакунин говорил о стихийных движениях масс. И здесь он во многом также был прав, он правильно понял задания и обстановку народной революции. Можно поражаться, как этот бывший помещик, выходец не только из буржуазной, но даже из барской среды, глубоким нюхом революционера, — он сам называл себя буреветником, — схватил значение народных движений. Это — нечто изумительное. Я хочу коснуться вкратце только вопроса о крестьянстве.

В самом начале я говорил, что власть крестьянской идеологии над Бакуниным вредила ему. Но здесь было две стороны. Был огромный плюс в том систематическом подчеркивании важности участия крестьянства в революционном движении, которое Бакунин все время проводил в Интернационале и в своей пропаганде в России. Бакунин всячески предостерегал промышленных рабочих от пренебрежительного и враждебного отношения к крестьянской массе. Он подчеркивал, что на недоразумениях между пролетариатом и крестьянством и держатся все правительства, все эксплуататоры, все угнетатели. Без поддержки крестьянства пролетариат никогда не завоеует и не удержит власти, говорил Бакунин. И он подчеркивал, что крестьянство является трудовым элементом, который может идти за буржуазией и высшими классами лишь в силу недоразумений, в силу своего положения, но который революционеры умелыми действиями могут привлечь в ряды борцов за социальную революцию. Напр., про французское крестьянство Бакунин в 1870 г. говорил: «Крестьяне, по крайней мере, огромное большинство крестьян, не будет этого никогда забывать, хотя они и стали во Франции собственниками, *все же по-прежнему живут трудом своих рук*. Вот что глубоко отделяет их от буржуазного класса, громадное большинство которого живет *доходной эксплуатацией труда народных масс*; вот что объединяет их, с другой стороны, с городскими рабочими, несмотря на разницу в их положении, причем положение последних гораздо хуже, на различие в понятиях, на согласованность в принципах». И в другом месте, убеждая городских рабочих не относиться презри-

тельно и враждебно к крестьянам, он говорит: «Крестьяне не лентяи, это такие же суровые работники, как они сами, только работают они в различных условиях. Вот и все. *Перед буржуа-эксплуататором рабочий должен сознавать себя братом крестьянина*»*.

Воодушевить крестьян и привлечь их на свою сторону, хотя и трудно, но возможно. Сделать это нужно умело, и сделать это могут только рабочие**.

Но как же привлечь крестьян на сторону революции? Бакунин отвечает: нужно использовать в интересах революции те самые недостатки, которые завещаны им буржуазией, старым миром. «Говорят, что французский крестьянин жаден; пусть так; надо, чтобы эта самая жадность была заинтересована в революции. Надо предложить ему и дать немедленно большие материальные выгоды». Крестьянин мечтает о земле; надо отдать крестьянам всю землю, принадлежащую дворянству и буржуазии. Но ни в коем случае нельзя навязывать им коммунизм, так как это вызовет всеобщее крестьянское восстание против революционеров. «Рабочие, подавляющее большинство которых ничем не владеет, гораздо более склонны к коммунизму, чем крестьяне; это совершенно естественно: коммунизм одних столь же натурален, как индивидуализм других, — здесь нечем хвалиться и не за что презирать других, так как те и другие со всеми своими идеями и страстями являются продуктом различной среды, их создавшей. Да и все ли еще рабочие коммунисты? Поэтому не приходится сердиться на крестьян или унижать их, а нужно выработать такую революционную тактику, которая обходит затруднения, и которая не только помешает индивидуализму крестьян толкнуть их в лагерь реакции, но, напротив, использует его в интересах торжества революции»***.

Вот совет, который он дал в письмах к своим французским единомышленникам. Там же Бакунин развивает целый план, каким образом передовой пролетариат городов может вовлечь крестьян в революцию: захват земли, изгнание представителей правительства и т. д. Это я должен пропустить. Бакунин не обольщает себя, он вовсе не говорит, что в результате такой революции крестьянство сразу придет к идеальной социальной организации. Ничего подобного. Он разумно и правильно намечает такое состояние, какое приблизительно создалось у нас после Октябрьской революции. «Заметьте хорошенько, — говорит он, — я не утверждаю, что деревни, которые реорганизуются таким

* «Письма к французам» («Œuvres», II, стр. 106); повторено в «Кнута-германской империи», стр. 56.

** «Кнута-германская империя», стр. 41–49.

*** «Письма к французам», стр. 100 и сл.; «Кнута-герм. имп.», стр. 51 и сл.

образом снизу вверх, сразу создадут идеальную организацию, во всех отношениях согласную с той, о которой мы мечтаем. Но я убежден, что это будет живая организация, которая будет стоять гораздо выше существующей ныне, и которая при этом, будучи открыта, с одной стороны, активной пропаганде городов, а, с другой, не будучи в состоянии затвердеть и, так сказать, окаменеть благодаря покровительству государства и закона, будет свободно прогрессировать и сможет до бесконечности развиваться и совершенствоваться, но это всегда будет организация живая и вольная, ни в коем случае не провозглашаемая декретами и не скованная законами, пока она, наконец, не дойдет до такой рациональной высоты, какая только мыслима в наше время»*.

Отбросив этот фетишистский ужас перед революционными декретами и законами, которые как раз и помогают развиваться этой вольной организации, мы получим совершенно правильную позицию, на которой стоим теперь мы, говоря о смычке города с деревней, о роли кооперации в деревне и т. п. Но, конечно, осуществить такие крестьянские организации, которые, не будучи идеальными, способны, однако, бесконечно совершенствоваться, можно только при условии захвата власти пролетариатом, при создании рабочего государства, только исключительно при таком условии, ибо тогда создается почва для такого вольного, постепенного развития деревни.

Я дальше пропускаю все остальное потому, что слишком затянул свой доклад. Должен, впрочем, сказать, что из того, что я успел изложить, достаточно видно, что нас с Бакуниным связывает, чтобы не сказать — объединяет. Но в Бакунине, кроме того, было много черт, которые независимо от его воззрения создали из него такую симпатичную, героическую фигуру, которая нас *очаровывает* и *пленяет*, совершенно независимо от отдельных ее проявлений, взлетов или падений. В самом деле, товарищи, представьте себе этого молодого прапорщика, вышедшего из богатой, помещичьей семьи, который с первых лет своей жизни, отражая, конечно, политическое и социальное левение части своего класса, не удовлетворяется избитыми дорожками, чего-то ищет, хочет понять смысл призвания человека, к чему-то стремится, не удовлетворяется окружающей обстановкой, который повсюду, начиная с юных лет вплоть до гробовой доски, не перестает искать, бороться и, добившись мысли, стремится воплотить ее в дело, человека, который не застывает на догматизме, вырабатывается постепенно от довольно ограниченного вначале консервативного мыслителя, через буржуазного демократа к самому крайнему левому социалисту, человек, который безостановочно

* «Письма к французам» («Euvres», т. II, стр. 113).

идет вперед, человек, который ни на минуту не слагает оружия, несмотря на самые тяжелые условия, в которые он попадает, человек, личная и общественная жизнь которого, как выразился один из его последователей, является целой эпопеей (совершенно независимо от ее политической окраски), — такая личность есть историческое явление, которое невольно к себе приковывает, которое невольно прельщает, вызывает желание подражания. И можно сказать, что личный пример Бакунина, его неустанная революционная работа — это лучшее, что он завещал грядущим поколениям.

Может быть, наступит время, когда история перестанет интересоваться деталями, это будет в те счастливые коммунистические времена, когда создастся вольное, может быть, анархическое общество, это возможно, но тем не менее, если деталями перестанут интересоваться, то отдельные представители породы «*homo sapiens*», отдельные блестящие экземпляры этого рода, которых выработала история, останутся бессмертными. И когда отойдет на задний план то, что нас с ним разделяет, — а сегодня еще многое разделяет нас с Бакуниным и с его последователями, и недавно дело доходило до столкновения вооруженной рукой, а идейная борьба с анархистами будет вестись еще долго, — когда все это забудется, — образ Бакунина уцелеет в Пантеоне человечества, который создается его общими усилиями, воздвигаясь камень за камнем.

В самом деле, возьмите его молодым гегельянцем, юношей, еще мало образованным, но полным бурных порывов и умеющим пробуждать вокруг себя жизнь; возьмите этого человека, который, будучи зеленым юнцом, влияет на крупнейшую фигуру русской литературы, на Белинского, и помогает ему политически самоопределиться; возьмите этого юношу, который попадает в Берлин и после года пребывания начинает поражать своих вчерашних учителей и друзей своим глубоким подходом к вопросам философии, своей глубоко-революционной постановкой вопросов. Возьмите этого молодого человека, когда он под псевдонимом Жюль Элизара пишет чуть ли не первую боевую революционную статью в Германии. Затем мы видим его в Цюрихе, среди коммунистов Вейтлинга, где он заражается новым духом, узнает о существовании и назначении пролетариата, которому с тех пор решает посвятить свои силы. Мы видим его потом в Париже, когда он первый из русских открыто выступает на польском собрании с провозглашением смерти царской монархии, признает право поляков на революцию и всех наций на самоопределение. Мы видим в 1848–1849 гг. в Германии, где он, как будто оторванный от почвы, никому не известный русский, за которым ничего не стоит, занимает однако видное положение среди германских революционеров-демократов.

Попадая в Прагу, он становится в число руководителей восстания. Попадает он в Дрезден — он становится одним из членов революционного штаба, руководящего обороной города от прусских полчищ. Даже попав в беспощадные лапы царских жандармов, написав «исповедь», в которой он вовсе не каялся, а притворялся раскаявшимся только для того, чтобы выйти на свободу и продолжать начатую борьбу, он и там ни на минуту не пал духом. Вырвавшись из лап самодержавия, с первого же дня появления в Лондоне, войдя в комнату Герцена, он говорит о революции, о необходимости поднять народ. Он делает тысячи ошибок, старается из тех жалких элементов, которые вокруг него вертятся, создать что-то, похожее на силу. Затем он единственный из герценовского окружения идет в польскую революцию и, несмотря на свою старость, только что выйдя из Сибири, одинокий, опять едет в Польшу, чтобы стать на Литве во главе русских крестьян и понести в Россию красное знамя с надписью «Земля и Воля», хорошо зная, что его ожидает, если он попадется. Не удается это, он едет в Италию, начинает образовывать Тайный Союз Интернациональных Братьев. Всюду — в Италии, в Испании, во Франции, в Швейцарии, в России, он всюду будит, будоражит. И в 1873 г., когда в Испании начинается революция, из всех альянсистов, кто вызывается ехать в Испанию, чтобы стать во главе движения? Самый старей, уже тогда тяжело больной Бакунин, а не другие молодые, вроде Гильома, двадцатисемилетние, писавшие революционные статьи. В 1874 г., когда в Италии назревает движение, кто едет туда, чтобы умереть на баррикадах? Задыхающийся, не могущий передвигаться, страдающий водянкой и расширением сердца, Бакунин, старик 60 лет. И после этого через два года он закрывает глаза, жалея только об одном, что человечество забыло бунтарский дух.

Этот бунтарский дух, который (часто с пересолом) был свойственен Бакунину, он неустанно пытался пробудить в человечестве. И когда мы видим современное человечество, в котором этот старей бунтарский дух убит, когда видим измену с. - д., мы можем сказать, что человек, который с первых до последних дней проповедовал бунтарство, бунт, восстание против угнетателей, этот человек заслужил место в Пантеоне истории и останется там навсегда!

Ю. Стеклов

